

конфликт произошел на Орском мясокомбинате, в феврале 1962 г. — на Магнитогорской швейной фабрике № 1, в декабре этого же года — на Свердловской фабрике “Уралобувь”, в мае и декабре 1964 г. — соответственно на Кизеловской швейной фабрике и на производственном объединении “Уралобувь”. Анализ показал, что в выявленных нами случаях отказа от работы главные причины их возникновения лежали в экономической плоскости и имели под собой в качестве основания, как правило, повышение норм выработки без соответствующего повышения заработной платы, низкую заработную плату, изменение графика работы. Основной формой протеста со стороны рабочих был отказ приступить к работе. Выступления носили кратковременный характер и сразу прекращались, как только рабочим обещали повысить заработную плату и улучшить условия труда. Партийные органы моментально и резко реагировали на эти инциденты, принимая комплекс мер и выводов организационного, экономического и воспитательного характера, стремясь их погасить в зародыше. Как правило, потерпевшей стороной в этих трудовых конфликтах становилось руководство предприятий, где происходили данные инциденты.

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод о том, что на всем протяжении ретроспективного периода в легкой и пищевой промышленности Урала имели место отдельные трудовые конфликты, главной причиной возникновения которых были условия продажи рабочими своего труда. Эти факты опровергают точку зрения о бесконфликтности развития советского общества и свидетельствуют о наличии в нем определенного уровня социальной напряженности.

Е. Б. Заболотный
(г. Тюмень)
В. Д. Камынин
(г. Екатеринбург)

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ “НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ” В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Под “новым направлением” в традиционной советской историографии понималась группа исследователей, которая занималась изучением социальных, экономических и политических проблем истории России

конца XIX — начала XX в. В историографии термин “научное направление” обычно связывают с деятельностью исследователей, объединенных единой концепцией исторического развития, занимающихся сходной проблематикой и пришедших в результате ее изучения к общим выводам. Поэтому с точки зрения историографии термин “новое направление” достаточно искусственный, ибо его распространяют на очень широкую группу исследователей, творчество которых наряду с общими чертами имеет и много особенностей. Трудно определить и персональный состав историков “нового направления”.

Общими чертами, характеризующими деятельность историков, причисляемых к “новому направлению”, является то, что она началась после XX съезда КПСС и продолжалась на протяжении второй половины 1950 — 1960-х гг. Этих исследователей объединяло желание, отказавшись от догм сталинской концепции отечественной истории, объективно разобраться с тем, что происходило в России в период становления и развития капиталистического общества. Это делалось не только на основании обращения к новым источникам, но и, что самое важное, на основании переосмысления некоторых догм марксистско-ленинской методологии, что подавалось под предлогом “нового прочтения произведений В.И. Ленина”. Общей оказалась и судьба многих сторонников “нового направления” в 1970 — 1980-е гг.

Традиционно к “новому направлению” причисляют небольшую группу историков г. Москвы, прежде всего П.В. Волобуева, К.Н. Тарновского, И.Ф. Гиндина, Л.М. Иванова, И.Я. Гефтера, А.Я. Авреха и др., а также историков, работающих в периферийных центрах страны: В.В. Адамов (Свердловск), П.Г. Галузо (Казахстан) и т.д. Обращает на себя внимание, что в эту группу входят исследователи, занимающиеся самыми различными проблемами истории России эпохи капитализма: экономическое развитие, история рабочего класса, крестьянства, буржуазии, царизма, революционного движения, теории исторического процесса и т.д. Естественно, что их труды очень трудно подвести под какой-то единый знаменатель; отличаются выводы, к которым пришли авторы. С другой стороны, как бы вне “нового направления” остаются многие историки, которые занимали схожие позиции в 1950 — 1960-е гг., но не разделившие их судьбу в дальнейшем. Речь может идти о гораздо более широкой группе исследователей Москвы, Ленинграда, Урала, Сибири, Казахстана, Белоруссии, Прибалтики и других регионов страны, которые, поверив в решения по разоблачению культа личности Сталина, стали отходить от догм сталинской идеологии в решении вопросов об уровне развития России

накануне и в период революционных событий 1917 г., расстановки политических сил и характера революционного движения.

Квинтэссенцией идей историков “нового направления” стали работы, вышедшие в свет в конце 1960 — начале 1970-х гг. К ним можно отнести исследование К.Н. Тарновского по историографии российского империализма (М., 1964), которое стало основой его докторской диссертации, представленной к защите в 1970 г., а также ряд сборников статей: “Изв. Сиб. Отд-ния АН СССР”. 1970, № 1. Серия обществ. Наук. Вып. 1.; “Свержение самодержавия в России”. М., 1970; “Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония”. М., 1970; “Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности”. Свердловск, 1972. Именно эти работы стали объектом критики в начале 1970-х гг., которая не носила научного характера и имела целью разгром “нового направления”. Критика была инспирирована “сверху”, из высших органов Коммунистической партии, велась она грубо и сопровождалась применением административных мер. Ее вели крупные чиновники от науки, занимавшие важные партийные, государственные и научные посты: И.Н. Поспелов, С.П. Трапезников, И.И. Минц и др.

С точки зрения сегодняшнего дня интересно посмотреть на те обвинения, которые обрушились на сторонников “нового направления”. Поскольку обвинений было много, то их можно разделить на несколько групп. Самое главное из них состояло в том, что эти исследователи, претендуя на “новое прочтение Ленина”, отступают от важнейших принципиальных положений марксистско-ленинской концепции предпосылок, движущих сил революций в России. Они принизили экономический уровень развития дореволюционной России, доказывая господство в аграрном строе страны докапиталистических отношений и обращая особое внимание на “искусственный характер” крупной капиталистической промышленности. В этом они видели особый тип капиталистической эволюции России в отличие от развитых стран Западной Европы. Империализм они считали лишь частью капиталистического уклада, а сам этот уклад рассматривали как составную часть многоукладной экономики России.

Наиболее “крамольные” идеи критики “нового направления” видели в том, что его последователи отрицали гегемонию пролетариата на отдельных этапах революционного движения в России из-за низкого уровня сознательности и культурности российского пролетариата. Рассматривая революцию 1917 г. как буржуазно-демократическую в целом и в феврале и в Октябре, историки “нового направления” считали,

что союзником пролетариата в борьбе с царизмом и помещиками было все крестьянства, а по движущим силам эта революция носила народный характер и решала общедемократические задачи. В этих условиях руководящей роли большевистской партии просто не оставалось места.

Следует еще раз подчеркнуть, что это была разнузданная кампания по разгрому целой группы историков, ничего общего не имевшая с научной дискуссией и стремлением понять аргументы оппонента. В этой кампании использовались различные методы: подтасовка фактов, приписывание историкам тех выводов, которые они не делали и т.д. Ответить на критику не было возможности, ибо по итогам “разбора” научных трудов сразу принимались оргвыводы, исследователей отстраняли от работы под видом реорганизации научных учреждений. В 1970 — первой половине 1980-х гг. многие историки “нового направления” либо поменяли тематику исследования, либо вообще перестали заниматься изучением истории. Некоторые из них ушли из жизни и не дожили до реабилитации.

Процесс реабилитации историков “нового направления”, который произошел во второй половине 1980-х гг., носил непростой характер. Заявление Ю.И. Афанасьева о необходимости восстановления доброго имени этих исследователей, незаслуженно репрессированных в брежневские времена, вызвало неприятие со стороны сторонников традиционного взгляда на историю России. На страницах исторической периодики вспыхнула дискуссия о значении взглядов историков “нового направления” для отечественной историографии. В ней приняли участие как сторонники реабилитации — В.В. Поликарпов, И.И. Минц, И.Д. Ковальченко, так и противники — В.И. Бовыкин, Б.Х. Ортобаев и др. Данная полемика также не носила научного характера, а была перенесена на личности и их поведение в тот или иной период истории страны.

Несмотря на восстановление доброго имени историков “нового направления”, оно, по нашему мнению, произошло лишь внешне. П.В. Волобуев был утвержден в звании действительного члена АН СССР, вышли статьи в честь тех, кто не дожид до реабилитации, отмечаются их юбилеи. Однако парадокс ситуации заключается, по словам П.В. Волобуева, в том, в период перестройки произошла переоценка ценностей в нашей истории, и “те, кто были во времена застоя под ударом, сейчас оказались в числе защитников социализма”. Поэтому их идеи в очередной раз оказались не ко времени.
